

И сказал Пророк...

Классическая книга
Халиля Джебрана
и его вновь открытые тексты

софия

Халиль Джебран

Калил Джебран

**И сказал Пророк... Классическая
книга Халиля Джебрана и
его вновь открытые тексты**

«София Медиа»

1920-е

Джебран К.

И сказал Пророк... Классическая книга Халиля Джебрана и его вновь открытые тексты / К. Джебран — «София Медиа», 1920-е

ISBN 978-5-907525-46-7

«Пророку» Халиля Джебрана уже почти 100 лет, и он переведен более чем на 100 языков. Это книга мудрости, затрагивающая практически все важные человеческие вопросы: жизнь и смерть, добро и зло, любовь и брак, религию и экономику и многое другое. «И сказал Пророк...» — новое подарочное издание классического текста Халиля Джебрана, дополненное десятками его прежде не публиковавшихся стихотворений, изречений, афоризмов и рисунков. Они были обнаружены в 2017 году в архивах Университета Северной Каролины и порадуют всех настоящих почитателей великого ливанского философа, художника и писателя. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-907525-46-7

© Джебран К., 1920-е

© София Медиа, 1920-е

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Пророк	11
Прибытие корабля	12
О Любви	16
О Браке	19
О Детях	21
О Даянии	23
О Еде и Питье	26
О Труде	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Халиль Джебран И сказал Пророк... Классическая книга Халиля Джебрана и его вновь открытые тексты

Kahlil Gibran's
and The Prophet said... Classic Text with Newly Discovered Writings

Copyright © 2020 by Dalton Hilu Einhorn and Collection Museo Soumaya. Fundación Carlos Slim, Mexico City

Foreword copyright © 2020 by Daniel Ladinsky

The Prophet copyright © 1923 by Kahlil Gibran

Cover art, Merchant from Isfahan © Institute of Oriental Studies, St. Petersburg, Russia / Bridgeman Images

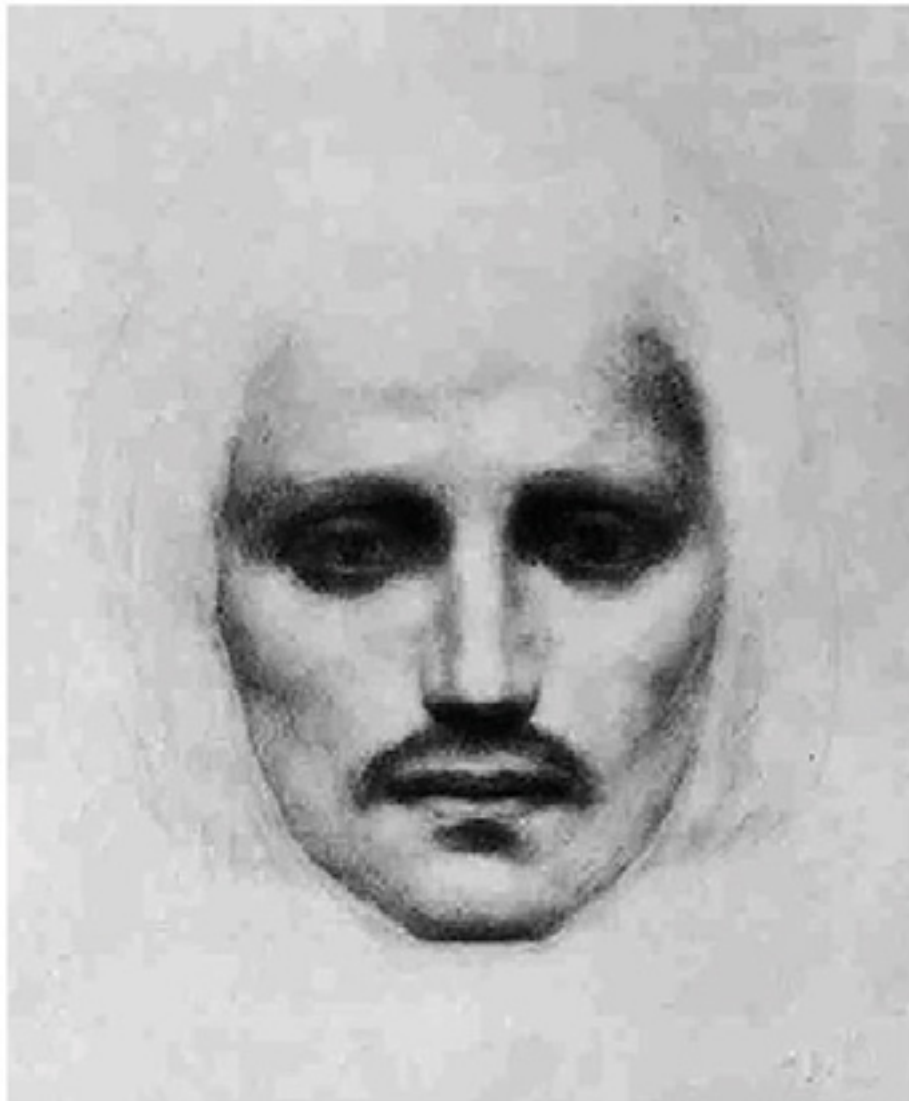
© ООО Книжное издательство «София», 2023

* * *

*Вирджинии, с которой я разделяю восторг от волшебства на этом
пути
ДХЭ*

Библиотека Льюиса Раунда Уилсона,
Университет Северной Каролины,
15 октября 2019 года

Составитель благодарит Карлоса Слива Хелу за его страстный вклад в сохранение и распространение произведений и наследия Халиля Джебрана. Как и Джебран, господин Слим Хелу родился в семье ливанских христиан-маронитов. Особая благодарность – фонду Мэри Хаскелл.

Предисловие

В первые сто лет своего существования шедевр Халиля Джебрана «Пророк» околдовал целые поколения людей, став одной из самых покупаемых книг XX века.

«Занятная книжечка», как называл свое детище сам Халиль, очаровала миллионы людей своим древним голосом, прозаико-поэтической структурой и восточной духовностью. И по сей день, почти сто лет после первой публикации, «Пророк» остается несравненной книгой мудрости, вдохновляющей и направляющей читателей.

Корни истории о «Человек с Острова», вероятно, проросли из семени, посаженного в период детства Халиля в ливанском городе Бишари. Но то, что созрело как книга «Пророк», сначала было пересажено, полито и выращено в приемном доме Халиля на острове Манхэттен.

Там, где сын Ливана жил до своего ухода в 1931 году, Халиль и его муза и родственная душа Мэри Элизабет Хаскелл совместно творили будущие главы книги. Некоторые фрагменты «Пророка» берут начало в беседах Мэри и Халиля, взаимодействовавших с окружающим миром и анализировавших его во время своего пребывания в Нью-Йорке, особенно в период с 1916 по 1920 годы.

Когда Халиль и Мэри шли среди толпы людей, спешивших на работу, они обсуждали идею будущей притчи «О Работе», несомненно впечатленные тем, что работавшие люди выглядели несчастными и явно считали труд проклятием. В шумном хаосе своего любимого ресторана «Гонафарон» в районе Гринвич-Виллидж они наблюдали за парами, обсуждали, как надо правильно дарить и получать любовь и почему замужние женщины бывают недовольны мужьями (знакомые Халиля делились с ним такими историями). Эти дискуссии легли в основу главы «О Браке». В автобусе, медленно двигавшемся по Пятой авеню, Мэри и Халиль обсуждали очередной «процесс века» – так родилась глава «О Преступлении и Наказании». Другие фрагменты появлялись на свет, когда они сидели у Мавзолея Гранта или размышляли в тишине мастерской Халиля на Западной Десятой улице. Мэри очень много значила для него, и именно она послужила прототипом Альмитры в «Пророке».

Поэтому вполне уместно в настоящее, почти юбилейное, издание «Пророка» включить сокровище из собрания Мэри Хаскелл – сборник никогда не публиковавшихся стихотворений в прозе, отрывки поэмы в прозе, около ста афоризмов и три главы из «Земных богов», не вошедшие в окончательный вариант книги.

Когда Халиль Джебран скончался 10 апреля 1931 года, его студия в Гринвич-Виллидж была полна неоконченных работ – картин, писем, эскизов и текстов, предназначенных для нового сборника стихов в прозе. Джебран написал многие из этих стихотворений на родном арабском и незадолго до смерти перевел некоторые из них на английский, свой второй язык.

После смерти Халиля содержимое его мастерской было завещано Мэри Хаскелл, чья роль в жизни философа была известна только его сестре Мариане. Мэри познакомилась с Халилем в 1904 году, и у них были удивительные тайные любовные отношения. Одно время они подумывали о браке, но в конце концов их связь переросла в плавное слияние учителя и ученика, вдохновителя и почитателя, в нерушимую взаимную преданность родственных душ. Мэри вдохновляла Халиля писать по-английски, и именно под ее руководством он начал то, что называл своей «великой работой».

В годы самого плодотворного сотрудничества с Халилем Мэри было трудно управлять своей школой; она чувствовала себя истощенной и стала принимать ухаживания Джейкоба Флоранса Миниса, преуспевающего бизнесмена-южанина и друга ее семьи. Минис умолял Мэри переехать в Саванну (штат Джорджия) и жить вместе с ним в роскоши. Несмотря на эмоциональную привязанность к Халилю, Мэри в конце концов приняла предложение Миниса. В 1926 году они поженились, и Мэри была вынуждена поддерживать свои отношения с Халилем

лишь втайне. Однако, узнав о смерти Халиля, Мэри отбросила благоразумие и сделала все от нее зависящее, чтобы почтить свою родственную душу и сохранить его наследие.

После смерти Халиля Мэри управляла практически всеми делами, связанными с ним. Она организовала возвращение его бранных останков в любимый Ливан и проследила за тем, чтобы его денежные сбережения, согласно завещанию, были переданы сестре Мариане. Имущество же Халиля, к тому времени весьма ценное в связи с *«Пророком»*, перешло к Мэри.

Мебель, личные вещи и более 400 картин из мастерской Джебрана Мэри подарила его родному городу Бишари. Они составляют основу музея Джебрана, расположенного в бывшем монастыре Мар Саркис.

Портрет Мэри Хаскелл работы Халиля Джебрана, 1910

Мэри хранила несколько эскизов и картин в своем доме в Саванне как память о драгоценном друге. В 1950 году, в возрасте семидесяти семи лет, она пожертвовала большую часть произведений искусства в музей «Телфэр» в Саванне, где сейчас находится самое большое в Соединенных Штатах публичное собрание художественных работ Джебрана.

В 1960 году, за четыре года до смерти, Мэри пожертвовала свой архив документов Университету Северной Каролины в Чапел-Хилле. Это был ценный архив: история семьи Минисов началась еще в колониальной Джорджии, а среди известных членов семьи Хаскеллов был полковник в отставке, которому Роберт Эдвард Ли поручил командовать кавалерией Конфедерации в Капитуляции при Аппоматтоксе, положившей конец гражданской войне.

Когда библиотекарь, составлявший каталог архива, наткнулся на тысячи страниц, написанных Халилем Джебраном, о нем или адресованных ему, он был ошеломлен. В его руках оказалось повествование о сложной любовной истории, десятилетиями хранившейся в тайне. А еще – неопубликованные произведения, ждавшие, когда Халиль вернется и сделает из них новую книгу...

Моя мать, Вирджиния Хелу́, была нанята фондами Халиля и Мэри, чтобы издать книгу из этих тысяч страниц материала. В 1972 году Альфред Э. Нопф опубликовал книгу «*Возлюбленный Пророк*» (*Beloved Prophet*) – сборник дневниковых записей и писем, в котором раскрывается личность Мэри Хаскелл, прослеживается рост Халиля от юного художника до всемирно известного мастера и поведано о невероятной тайной истории любви.

Предполагалось, что за этим последуют следующие книги, но моя мать умерла в возрасте сорока семи лет от рака, который был диагностирован, когда она редактировала материалы Джебрана и Хаскелл. Она так и не начала работать над второй книгой.

Мне было семь лет, когда она умерла, и я рос в сломленной семье, неспособной справиться с этой потерей. Когда мне исполнилось сорок, я понял, что на самом деле слишком мало знаю о ней. Я начал собирать сведения о ее двадцатитрехлетней карьере в издательском бизнесе и об истории ее самой успешной книги «*Возлюбленный Пророк*». Но я почувствовал, что прежде всего должен прочесть книги Халиля, особенно «*Пророка*».

Я купил издание в твердом переплете, вышедшее осенью 2011 года. Халиль был любителем бурь, но его вряд ли порадовало бы то, что вскоре произошло. Я говорю о разрушительном урагане «Сэнди». Без электричества в течение одиннадцати дней мне не оставалось ничего, кроме как читать. И вот вечером при свете фонаря я впервые прочел слова Халиля Джебрана:

Коротки были мои дни среди вас, но еще короче слова, что я сказал,

Но если мой голос затихнет у вас в ушах и моя любовь изгладится из вашей памяти, я приду вновь,

И с сердцем, более полным, и устами, более воздающими духу, буду я говорить.

И снова донесся до меня голос матери. Моя реакция на «*Пророка*» была, вероятно, такой же, как и у многих, кто читал Халиля: я чувствовал, что эти слова были написаны только для меня. В тот момент я вдохновился закончить работу, начатую Вирджинией Хилу, и опубликовать страницы из коллекции Мэри Хаскелл, которую, как я знал, моя мать держала в своих руках десятилетия назад.

Прежде не публиковавшиеся тексты, представленные здесь, являются частью Южной исторической коллекции в Библиотеке специальных коллекций Льюиса Раунда Уилсона при Университете Северной Каролины. Там хранится коллекция 02725, «Семейные документы Минисов, 1739–1948». Подсерия 2.4 называется «Материалы Халиля Джебрана, 1904–1931 и недатированные». Папки 276–277 помечены как «Сочинения».

Сочинения, опубликованные в настоящей книге, представлены в том порядке, в каком они были найдены во время моих исследований в Университете Северной Каролины в 2017 и 2018 годах.

Вниманию читателя предлагается шестнадцать стихотворений, которые кажутся законченными, причем три из них не имеют названий. Судя по записям, найденным в архиве, перед смертью Джебран занимался переводом стихотворений, написанных им ранее на арабском языке. Одно стихотворение, по-видимому, написано в 1908 году; другое идентифицируется как последнее, переведенное Джебраном.

Одно стихотворение явно неполно. Судьба оставшейся его части неизвестна. Потерянная страница? Перевод, прерванный смертью?

Были найдены тексты из записной книжки Джебрana. Возможно, проживи он подольше, эти фрагменты стали бы стихотворениями в прозе.

Представляю я здесь и три черновых фрагмента книги «*Земные боги*», в конечном счете в нее не вошедших. Мне они показались достойными внимания.

Тексты Халиля Джебрana и Мэри Хаскелл, содержащиеся в Подсерии 2.4 («Материалы Халиля Джебрana, 1904–1931 и недатированные»), защищены авторским правом и могут воспроизводиться только с явного письменного разрешения их владельцев. Мною такие разрешения были получены как от фонда Джебрana, так и от фонда Хаскеллов.

Отдавая дань своей собственной одиссее, я счел уместным открыть это собрание «*Пророкам*», основополагающим произведением Джебрana, впервые опубликованным в 1923 году. Авторские права на него истекли в 2019 году. За ним следуют все неопубликованные работы, которые я нашел в ходе своих исследований.

Давайте же на этих страницах еще раз насладимся знакомым шедевром Халиля и позволим ему снова говорить с нами!

Часть первая. Пророк

Двенадцать иллюстраций к «Пророку» взяты из рисунков автора.

Прибытие корабля

АЛЬМУСТАФА, избранный и возлюбленный, заря своего дня, двенадцать лет ждал в городе Орфалесе возвращения корабля, который должен был увезти его на остров, где он родился.

На двенадцатый год, в седьмой день Элула, месяца жатвы, он поднялся на холм вне стен города, обратил взор к морю и заметил свой корабль, приближавшийся вместе с туманом.

Тогда распахнулись врата его сердца, и радость его полетела далеко над морем. Он закрыл глаза и молился в тишине своей души.

Когда же спустился он с холма, охватила его немая грусть и помыслил он в сердце своем:

«Как уйти мне с миром и без печали? Нет, не оставить мне этот город, не поранив дух.

Долгими были дни страданий, проведенные в этих стенах, и долгими были одинокие ночи; кто же может расстаться со страданием и одиночеством без сожаления?

Много крупниц духа рассеял я по этим улицам, и много детей моей тоски бродят нагие меж этих холмов – и не могу я отказаться от них легко и без боли.

Не одежду сбрасываю я сегодня, а собственными руками сдираю с себя кожу.

И не мысль оставляю после себя, а сердце, умягченное голодом и жаждой.

Нельзя мне более медлить.

Море, которое зовет к себе все сущее, зовет и меня, и я должен отплыть,

Ибо остаться – значит замерзнуть, заледенеть, сделаться застывшим слепком, хотя часы ночные и пламенны.

С радостью взял бы я с собою всё. Но как?

Голос не может взять с собой язык и губы, давшие ему крылья. Он должен устремляться в эфир один.

И орел один, без гнезда своего, должен лететь под солнцем».

Дойдя до подножия холма, он вновь обернулся к морю и увидел, что его корабль приближается к гавани, а на палубе корабля моряки – сыновья его страны.

И воззвала к ним его душа, и он сказал:

– Сыновья праматери моей, вы, оседлавшие гребни волн,

Сколько раз вы приплывали в моих снах! И вот вы пришли, когда я пробудился, и это пробуждение – мой самый глубокий сон.

Я готов отправиться в путь, и мое нетерпение, подняв все паруса, ждет ветра.

Лишь глотну этого спокойного воздуха, взгляну с любовью назад – и встану среди вас, мореплавателю среди мореплавателей.

О бескрайнее море, дремлющая мать, только в тебе находят мир и свободу река и ручей!

Лишь один поворот сделает этот ручей, лишь еще один его всплеск раздастся на этой поляне – и я вольюсь в тебя, беспредельная капля в беспредельный океан.

Он шел и видел издали мужчин и женщин, спешивших к городским воротам со своих полей и виноградников.

Он слышал, как их голоса выкликают его имя и от поля к полю возвещают друг другу о прибытии его корабля.

И сказал он себе:

– Будет ли день расставанья днем собрания?

Скажут ли, что вечер мой воистину был моей зарей?

Что дать мне тому, кто бросил плуг свой посреди борозды, и тому, кто оставил невыжатый виноград в точилах?

Станет ли мое сердце плодоносным деревом, чтобы я собрал плоды и дал им?

Будут ли желания кипеть во мне ключом, чтобы я наполнил их чаши?

Разве я арфа, чтобы рука Всемогущего коснулась меня, разве я флейта, чтобы Его дыхание излилось сквозь меня?

Я искал тишины, но какое сокровище нашел я в ней, чтобы так смело раздавать его?

Если это день моего урожая, то какие поля и в какие незапамятные времена засеял я семенами?

Если воистину это час, когда я поднимаю свой светильник, то не мое пламя будет гореть в нем.

Пустым и темным подниму я свой светильник,

А страж ночи наполнит его маслом и зажжет.

Так сказал он вслух. Но много неизреченного осталось в его сердце, ибо не мог он сам высказать глубокую тайну, ему одному ведомую.

Когда же вступил он в город, весь народ вышел ему навстречу, и все приветствовали его в один голос.

Вышли вперед старейшины города и сказали:

– Не покидай нас! Ты был полуднем в наших сумерках, и твоя молодость даровала нам мечты.

Ты не чужой среди нас и не гость, а сын и возлюбленный наш. Не заставляй же наши глаза тосковать по твоему лику.

Жрецы и жрицы сказали ему:

– Не дай волнам морским разлучить нас теперь и не дай, чтобы годы, которые ты провел среди нас, стали воспоминанием.

Ты блуждал среди нас, дух, и тень твоя озаряла светом наши лица.

Мы так любили тебя! Но молчалива и скрыта покровами была наша любовь,

А сейчас она громко зовет к тебе и открыто встает пред тобою.

Вечно было так, что глубина любви познаётся лишь в час разлуки.

Пришли другие и тоже просили его. Но никому не ответил он. Лишь склонил голову, и стоявшие близ него видели, как слезы текли ему на грудь.

И вместе с народом пошел он к большой площади перед храмом.

И вышла из святилища женщина, которую звали Альмитрой. Была она провидицей.

Он посмотрел на нее с глубокой нежностью, ибо она первая нашла его и поверила в него, когда он только появился в их городе.

Она же приветствовала его, сказав:

– Пророк Бога, долго ты, устремляясь к запредельному, искал в даях свой корабль. И вот корабль твой прибыл, и пора тебе отправляться.

Глубока твоя тоска по земле твоих воспоминаний в обители твоих сокровенных желаний; и любовь наша не свяжет тебя, как не удержат тебя и наши нужды,

Но мы просим тебя, чтобы перед разлукой ты говорил с нами и дал вкушать от твоей истины. Мы передадим ее нашим детям, а те – своим, и она не исчезнет вовек.

В одиночестве ты взирал на наши дни и в бодрствовании своем слышал, как мы смеялись и плакали во сне.

Открой же теперь нам нас самих и поведай нам все открывшееся тебе о том, что лежит между рождением и смертью.

И ответил он:

– Люди Орфалеса, о чем же еще могу я говорить, как не о том, что и сейчас томит ваши души?

О Любви

ТОГДА просила Альмитра:

– Скажи нам о Любви.

Он поднял голову, посмотрел на народ, и воцарилось молчание. Тогда он сказал громким голосом:

– Если любовь манит вас, следуйте за ней,

Хотя дороги ее трудны и круты.

Если она осенит вас своими крылами, не противьтесь, даже если вас ранит меч, скрытый в ее оперении.

И если любовь говорит вам, верьте ей, даже если ее голос рушит ваши мечты, подобно тому как северный ветер опустошает сад.

Ибо любовь коронует вас, но она вас и распинает.

Она растит вас, но она же и подрезает.

Она поднимается к вашей вершине и обнимает ваши нежные ветви, трепещущие в солнечных лучах.

И она же спускается к вашим корням, вросшим в землю, и сотрясает их.

Как хлебные колосья, соберет она вас к себе;

Обмолотит, чтоб обнажить;

Очистит от шелухи;

Размелет до белизны;

Будет месить вас, пока не станете податливы;

А затем опалит своим священным огнем, чтобы вы стали священным хлебом для священного Божьего праздника.

Все это делает с вами любовь, чтобы вы познали тайны своего сердца и через это познание стали частью сердца Жизни.

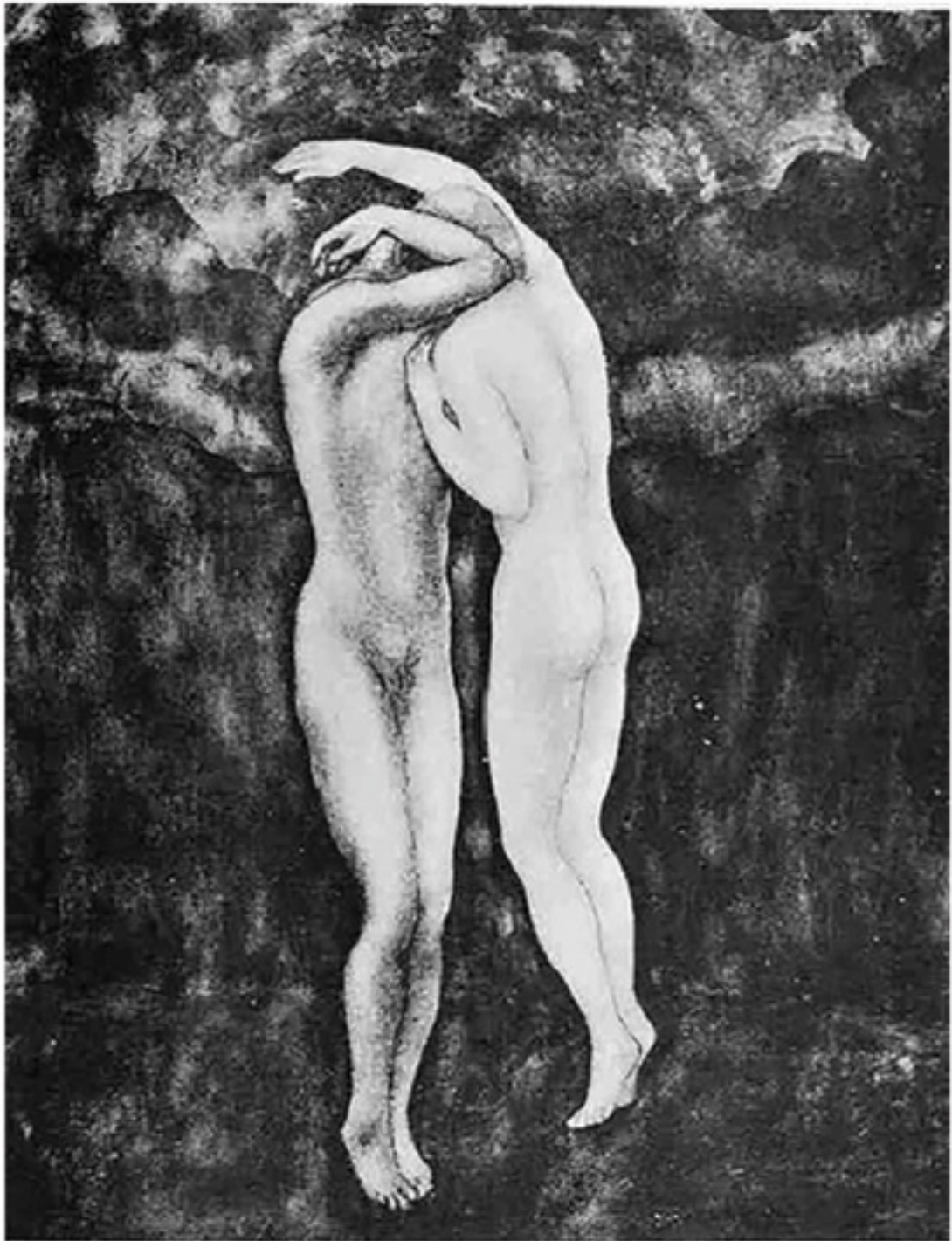
Но если, убоявшись, вы будете искать в любви лишь покой и усладу, то лучше вам прикрыть свою наготу и, покинув гumno любви,

Уйти в мир, не знающий времен года, где вы будете смеяться не от души и рыдать без слез.

Любовь дает лишь себя и берет лишь от себя.

Любовь ничем не владеет и не хочет, чтобы кто-нибудь владел ею,

Ибо любовь довольствуется любовью.

Если ты любишь, не говори: «Бог – в моем сердце», скажи лучше: «Я – в сердце Бога». И не думай, что ты можешь править путями любви, ибо если любовь сочтет тебя достойным, она будет направлять твой путь.

Единственное желание любви – осуществиться,
Но если ты любишь и не можешь отказаться от желаний, пусть такими будут твои желания:

Таять и походить на бегущий ручей, что напевает ночи свою песню;
Познавать боль от бесконечной нежности;
Ранить себя собственным постижением любви;

Истекать кровью охотно и радостно;

Подниматься на заре с окрыленным сердцем и возносить благодарность за еще один день любви;

Отдыхать в полдень и предаваться размышлениям о любовном восторге;

Возвращаться вечером домой с благодарностью;

И засыпать с молитвой за любимого человека в сердце своем и с песней хвалы на устах.

О Браке

ПОТОМ вновь заговорила Альмитра:

– Что скажешь ты о Браке, учитель?

И он ответил:

– Вы родились вместе и вместе пребудете вечно.

Вы будете вместе, когда белые крылья смерти развеют ваши дни.

Вы будете вместе даже в безмолвной памяти Бога,

Но пусть близость ваша не будет чрезмерной,

И пусть ветры небесные пляшут меж вами.

Любите друг друга, но не превращайте любовь в цепи:

Пусть лучше она будет волнующимся морем между берегами ваших душ.

Наполняйте чаши друг другу, но не пейте из одной чаши.

Давайте друг другу вкусить своего хлеба, но не ешьте от одного куска.

Пойте, пляшите вместе и радуйтесь, но пусть каждый из вас будет одинок, как одиноки струны лютни, хотя от них исходит одна музыка.

Отдавайте ваши сердца, но не во владение друг другу,
Ибо лишь рука Жизни может принять ваши сердца.
Стойте вместе, но не слишком близко друг к другу,
Ибо колонны храма стоят порознь, и дуб и кипарис не растут один в тени другого.

О Детях

ПРОСИЛА женщина, державшая ребенка на руках:

– Скажи нам о Детях.

И сказал Пророк:

– Ваши дети – не дети вам.

Они сыновья и дочери тоски Жизни по самой себе.

Они приходят благодаря вам, но не от вас,

И хотя они с вами, они не принадлежат вам.

Вы можете дать им вашу любовь, но не ваши мысли,

Ибо у них есть свои мысли.

Вы можете дать пристанище их телам, но не их душам,

Ибо их души обитают в доме завтрашнего дня, где вы не можете побывать даже в мечтах.

Вы можете стремиться походить на них, но не старайтесь сделать их похожими на вас,

Ибо жизнь не идет вспять и не задерживается на вчерашнем дне.

Вы – луки, из которых ваши дети выпускаются живыми стрелами.

Лучник видит цель на пути бесконечности и сгибает вас Своей силой, чтобы Его стрелы летели быстро и далеко.

Да будет ваше сгибание в руке Лучника радостным,

Ибо как любит Лучник летящую стрелу, так любит Он и лук, который остается на месте.

О Даянии

ТОГДА просил богатый человек:

– Скажи нам о Даянии.

И сказал Пророк:

– Вы даете лишь малую толику, когда даете от своего достояния.

Истинно вы даете, лишь когда даете от самих себя,

Ибо что есть ваше достояние, как не вещи, которые вы храните и стережете из страха, что они могут понадобиться вам завтра?

А завтра? Что принесет завтра самой сметливой собаке, которая зарывает кость в песок пустыни, идучи вслед за паломниками в святой город?

Что есть страх перед нуждой, как не сама нужда?

Разве боязнь жажды, когда колодец полон, не есть неутолимая жажда?

Есть такие, которые дают мало от многого, чем владеют. Они дают с тем, чтобы прославиться, и это тайное желание делает их дары отвратительными.

И есть такие, которые дают все то малое, что есть у них.

Они верят в жизнь и в щедрость жизни, и их казна не скудеет.

Есть такие, которые дают с радостью, и она – награда им.

Есть такие, которые дают с болью, и она – их крещение.

И есть такие, которые дают и не знают при этом боли, они не ищут радости и не дают в надежде, что им зачтется.

Они дают так же, как мирт в долине струит свое благоухание в пространство.

Руками подобных им говорит Всевышний, и их глазами Он улыбается земле.

Хорошо давать, когда просят, но лучше давать без просьбы, предугадывая;

Для щедрого искать того, кто получит, – радость большая, чем само даяние.

Есть ли что-нибудь, что стоило бы утаивать?

Все, что есть у вас, будет когда-нибудь отдано;

Потому давайте сейчас, чтобы время даяния было вашим, а не временем ваших наследников.

Часто вы говорите: «Я бы дал, но только достойному».

Деревья в вашем саду и стада на ваших пастбищах не говорят так.

Они дают, чтобы жить, ибо утаить – значит погибнуть.

Истинно, тот, кто достоин получить свои дни и ночи, заслуживает от вас всего остального.

И тот, кто удостоился испить из океана жизни, достоин наполнить свою чашу из вашего ручья.

Есть ли пустыня больше той, что заключена в смелости, уверенности, даже милосердия, принятия?

Кто вы есть, чтобы люди раскрывались перед вами и снимали покровы со своей гордости, чтобы вы увидели их достоинство в наготе и их гордость свободной от смущения?

Посмотрите сначала, достойны ли вы сами давать и быть орудием даяния,

Ибо воистину только жизнь дает самой жизни, а вы, считающие себя дающими, лишь свидетели.

Вы же, принимающие даяния, – а вы все принимаете, – не возлагайте на себя бремя благодарности, дабы не надеть ярмо на себя и на дающего.

Лучше поднимайтесь вместе с дающим на его дарах, как на крыльях,

Ибо сверх меры печься о своем долге – значит усомниться в великодушии того, для кого мать – щедрая земля, а отец – Бог.

О Еде и Питье

ПОТОМ просил старик-трактирщик:

– Скажи нам о Еде и Питье.

И сказал Пророк:

– О, если б вы могли живиться ароматом земли и, как растения с воздушными корнями, поглощать лишь свет!

Но раз уж принуждены вы убивать, чтобы насытиться, и лишать детеныша материнского молока, чтобы утолить жажду, то пусть это будет таинством.

И пусть стол ваш станет алтарем, на который чистых и невинных из леса и долины приносят в жертву еще более чистому и невинному в человеке.

Когда вы убиваете зверя, скажите ему в своем сердце:

«Та же сила, что сразила тебя, сразит и меня; и меня тоже поглотят,

Ибо закон, который отдал тебя в мои руки, отдаст меня в руки еще более могущественные.

Твоя кровь и моя кровь – всего лишь влага, что питает древо небес».

Когда вы надкусываете яблоко, скажите ему в своем сердце:

«Твои семена будут жить в моем теле,

Бутоны твоего завтрашнего дня распустятся в моем сердце,

Твой аромат станет моим дыханием,

И вместе мы будем радоваться во все времена года».

Осенью, когда вы собираете виноград в своих виноградниках, чтобы давить из гроздьев сок, скажите в своем сердце:

«Я тоже виноградник, и мои плоды попадут в точила, и, как молодое вино, меня будут хранить в вечных сосудах».

А зимой, когда вы будете черпать вино, да будет в вашем сердце своя песня для каждой чаши;

И да будет в каждой песне память об осенних днях, о винограднике и о точилах.

О Труде

ПОТОМ попросил пахарь:

– Скажи нам о Труде.

И сказал Пророк:

– Вы трудитесь, чтобы не отрываться от земли и души ее,

Ибо быть бездельником – значит стать чужим для времен года и выйти из шествия жизни, движущегося к бесконечности в величии и в гордом смирении.

Когда вы трудитесь, вы – флейта, в сердце которой шепот минут превращается в музыку. Кто из вас хотел бы стать тростинкой, немой и безмолвной, когда все вокруг поет в согласии?

Вам всегда говорили, что труд – проклятье, что работа – тягость.

Я же говорю вам: трудясь, вы исполняете часть самой ранней мечты земли, уготованную вам в те времена, когда эта мечта родилась,

И работая, вы истинно любите жизнь.

А возлюбить жизнь через работу – значит приблизиться к глубочайшей тайне жизни.

Если же вы в своем страдании называете рожденье горем, а заботу о плоти – проклятьем, начертанным на вашем челе, то я отвечу: ничто, кроме пота на вашем челе, не сотрет начертанного.

Говорили вам также, что жизнь есть тьма, и вы в усталости своей вторите тому, что было сказано уставшими.

Я же говорю:

Жизнь на самом деле есть тьма, когда нет стремления,

Всякое стремление слепо, когда нет знания,

Всякое знание тщетно, когда нет труда,

Всякий труд бесплоден, когда нет любви;

И когда вы трудитесь с любовью, вы связываете себя с самим собой, с другими и с Богом.

Что же значит трудиться с любовью?

Ткать одежды из нитей своего сердца так, словно те одежды наденет твой любимый человек.

Строить дом с таким усердием, словно в том доме поселится твой любимый человек.

Сеять семена с нежностью и собирать урожай с радостью так, словно те плоды будет вкушать твой любимый человек.

Наполнять все, что ты делаешь, дыханием своего духа

И знать, что все благословенные усопшие стоят рядом и взирают на тебя.

Часто я слышал, как вы говорили, будто во сне: «Тот, кто ваяет из мрамора и находит в камне образ своей души, благороднее того, кто пашет землю.

И тот, кто ловит радугу, чтобы перенести ее на холст в облике человека, – выше того, кто плетет сандалии».

Я же говорю вам не во сне, а в ясном бодрствовании полудня, что ветер беседует с могучим дубом так же нежно, как и с тончайшими стебельками травы;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.